

СОВРЕМЕННОЕ ПАПСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС¹⁾.

Какая прелесть эта современная западная Европа съ ея могучей и блестящей культурой! Сколько въ ней силы и богатства, сколько блеска и роскоши! Ключемъ бьетъ тамъ жизнь въ городахъ, переполненныхъ грандіозными сооруже-ніями—чудесами архитектуры и техники; шумять поѣзда и по подземнымъ и по воздушнымъ дорогамъ; мчатся авто-мобили по сіяющимъ электричествомъ улицамъ мимо мага-зиновъ, въ громадныхъ витринахъ которыхъ, какъ-будто изъ волшебнаго рога изобилія, разсыпаны груды всевозможныхъ драгоценностей и предметовъ роскоши, обольстительныхъ и для взора, и для желудка, и для мысли. Грохочутъ тамъ машины заводовъ и фабрикъ, ежедневно выбрасывая на міровые рынки сотни тысячъ утонченнѣйшихъ произведеній всякаго рода промышленности. А въ тиши какихъ-либо швей-царскихъ озеръ или заливовъ Италіи, живописныя виллы, окутавшись роскошной зеленью, смотрятся въ зеркальныя воды, какъ-бы сами любясь своей красотой. Веселая и на-рядная толпа наполняетъ тысячи театровъ и кафе и фла-нируетъ подъ звуки оркестра по аллеямъ изящныхъ курор-товъ. Сколько золота во всемъ этомъ! Милліонами вороча-ютъ грандіозныя торговыя и промышленныя предпріятія. Милліонные доходы получаютъ богачи-владѣльцы съ своихъ многоэтажныхъ палатъ; но милліоны и сыплются всюду въ

¹⁾ Публичное чтеніе, произнесенное въ Москвѣ, въ залѣ епархіальнаго дома, 8-го марта 1904 г.

ужасающей, безумной роскоши. Милліоны бросаетъ богачъ на свою обстановку, на спортъ и удовольствія. Многія сотни тысячъ несетъ толпа въ театры пріѣзжимъ знаменитостямъ: груды золота проигрываются въ рулетку въ Монако; громадныя суммы тратятся на балы и туалеты, а то и совсѣмъ безумно бросаются на вѣтеръ, когда какой-нибудь парижскій М. Лебоди обливаетъ шампанскимъ мимоходящихъ, или устраиваетъ для пріятелей бой быковъ, выписывая за бѣшенныя деньги изъ Испаніи и быковъ и разныхъ тореадоровъ. Такъ тамъ много золота, что какъ будто и дѣвать его некуда. Однако у этой, повидимому столь блестящей медали есть обратная весьма некрасивая сторона. Богатство и роскошь, широкое пользованіе всѣми благами' утонченной культуры, составляетъ счастливый удѣлъ лишь ничтожнаго меньшинства; а, наряду съ этимъ, милліонамъ людей выпадаетъ на долю лишь напряженный, изнурительный трудъ и бѣдность, даже нищета. Возьмемъ хотя-бы одинъ Парижъ. На 2½ милліона его населенія сравнительно богатыхъ людей (а именно получающихъ отъ шести и болѣе тысячъ рублей годового дохода) насчитывается лишь 36,000, т. е. менѣе 1½% всего населенія. Большинству-же его обитателей благами культуры наслаждаться совсѣмъ не приходится. Тамъ есть напр. до 700,000 мелкихъ промышленниковъ и вотъ какое грустное существованіе выпадаетъ имъ на долю: ютятся они по чердакамъ и подваламъ, цѣлыми семьями въ одной или двухъ комнаткахъ, гдѣ и спятъ и ѣдятъ и работаютъ; трудъ ихъ продолжается до 15 и до 16 часовъ въ сутки, а заработная плата такова, что по существующимъ цѣнамъ, при самомъ скудномъ удовлетвореніи только насущныхъ потребностей, едва хватаетъ, чтобы кое-какъ сводить концы съ концами. А вѣдь это далеко не единственные и не самые послѣдніе бѣдвяки, ибо за ними стоитъ цѣлая армія поденщиковъ, у которыхъ нѣтъ ни семьи, ни крова, ни обезпеченія на завтрашній день. Надъ всѣми этими бѣдвяками тяжелою тучей виситъ еще постоянная угроза безработицы. Въ современной Франціи напр., включая и столицу и провинціи, общая пропорція страдающихъ отъ отсутствія работы достигаетъ 30% въ году, т. е. чуть ли не одинъ изъ трехъ рабочихъ долженъ испытать въ теченіе года, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ такое состояніе, когда онъ не знаетъ утромъ, будетъ

ли у него хотя крошка хлѣба во рту за цѣлый день, при чемъ продолжительность этой безработицы и голодовки простирается отъ 8 дней и даже до 6-ти мѣсяцевъ. Это бѣдствие стало теперь на западѣ хроническимъ и почти повсемѣстнымъ, наблюдаясь съ одинаковой силой и въ Англии, и въ Германіи, и въ Австріи, и въ Италіи, однимъ словомъ повсюду. Итакъ, крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи матеріальнаго достатка представляетъ собою фактъ, ярко бросающійся въ глаза всякому наблюдателю современной европейской общественной жизни. Съ одной стороны—сотни тысячъ счастливецъ, которые, обладая толстымъ карманомъ, широко пользуются всѣми утѣхами жизни; а съ другой—милліоны недосыпающихъ, недоѣдающихъ, обреченныхъ на тяжкій трудъ, а не рѣдко и на безработицу и голодъ.

И крики оргіи, и гимны ликованья

Въ сіяньи праздничномъ торжественныхъ огней—

А рядомъ—жгучій стонъ мятежнаго страданья.

Разнузданный развратъ, увѣнчанный цвѣтами—

И трудъ поруганный...

Голодъ, въ самомъ прямомъ и ясномъ смыслѣ этого печальнаго слова является удѣломъ многихъ! Что это за толпа напр. въ предмѣстьяхъ Парижа, собралась у воротъ пожарной казармы и дрожить и мокнетъ подъ холодными струями вѣтра и дождя въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ? Тутъ и старики и молодые, и женщины и дѣти въ лохмотьяхъ и опоркахъ. Это жертвы безработицы и голода. Они толпятся тутъ потому, что два раза въ день имъ выносятъ остатки обѣда пожарныхъ и они, какъ голодные волки, набрасываются на эти остатки, захватывая ихъ домой семьѣ въ какую-нибудь глиняную чашку или просто въ старую банку, которая нашлась тутъ же на улицѣ и вымыта у ближайшаго фонтана. И это въ веселомъ и блестящемъ Парижѣ! А припомните хотя-бы одинъ 92-й годъ и тѣ народныя волненія, которыя разразились тогда на улицахъ многихъ блестящихъ городовъ зап. Европы. Трое сутокъ бушевала напр. тысячная толпа на улицахъ Берлина, на Unter den Linden и вблизи императорскаго дворца, разбивая стекла въ окнахъ домовъ и производя разгромъ булочныхъ и магазиновъ, попадавшихъ ей на пути. „Мы желаемъ работы!“ кричала эта толпа: „хлѣба! дайте намъ хлѣба!“ Такая-же голодная, оборванная толпа

волновалась на улицахъ Вѣны и также кричала: „дайте намъ хлѣба! мы ѣсть хотимъ!“ Одновременно съ этимъ, такіе-же народные бунты отъ безработицы и голода имѣли мѣсто и въ Прагѣ, и въ Данцигѣ, и въ Кенигсбергѣ, и въ Брауншвейгѣ, и въ городахъ Италіи. И понятно!

Ужъ какъ нѣтъ бѣды кручиннѣе
Безъ работы парню маяться...

Мудрено-ли, что эти изнуренныя безпросвѣтной жизнію, голодныя толпы недовольны существующимъ общественнымъ строемъ, который не даетъ имъ ни денегъ, ни работы, ни хлѣба.—Правда, подобное явленіе—не новость; всегда вѣдь были и счастливыя и обездоленные, всегда были и страданія и недовольство тѣхъ, которымъ приходилось страдать. Какъ въ классической древности были патриціи и плебеи, свободные и рабы; какъ въ средневѣковомъ феодальномъ обществѣ были владѣльцы и крѣпостные, такъ и теперь есть собственники-капиталисты и рабочій пролетаріатъ. Положеніе современнаго бѣдняка безъ сомнѣнія даже гораздо лучше, чѣмъ рабство древности; но для него, конечно, это не можетъ служить утѣшеніемъ. Отъ историческихъ параллелей онъ сытъ не будетъ; ему отъ нихъ не легче, тѣмъ болѣе, что вѣка прошли не даромъ и, съ просвѣщеніемъ, неизмѣримо выше развито въ немъ его самосознаніе, которое заставляетъ его съ большею впечатлительностію относиться къ своимъ бѣдствіямъ и съ большею критикою къ окружающимъ явленіямъ. Естественно, что не только у самихъ обездоленныхъ, но и у тѣхъ, которые, живя въ довольствѣ, имѣютъ всетаки душу, способную скорбѣть при созерцаніи страданій ближняго, зародился вопросъ: нельзя-ли какъ нибудь уменьшить сумму этихъ страданій, нельзя-ли устранить вопіющую неравномѣрность въ распредѣленіи житейскихъ благъ и довести въ этомъ смыслѣ общественный строй до возможно большаго совершенства? Одною изъ попытокъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ и выступило то ученіе, которое извѣстно подъ именемъ социализма.

Это ученіе въ той или другой формѣ, съ тѣми или другими особенностями, раскрывалось въ произведеніяхъ цѣлаго ряда пріобрѣтшихъ себѣ всемірную извѣстность писателей, въ списокъ которыхъ наиболѣе выдающимися были: С. Симонъ, Фурье, Оуэнь, Леру, Л. Бланъ, Прудонъ, Лас-

саль, Родбертусъ, Марксъ, Энгельсъ, Генри Джорджъ, Д. С. Милль, а за ними слѣдовали ихъ многочисленные продолжатели и послѣдователи. Соціализмъ проповѣдуетъ коренную реформу современныхъ общественныхъ и экономическихъ отношеній, идеальная цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы водворить на землѣ по возможности полное довольство и счастье для всего человѣчества. Главное зло современнаго порядка въ томъ, что богатство, въ видѣ ли земельной собственности, или капитала, сосредоточивается въ рукахъ меньшинства, большинство-же оказывается обездоленнымъ. Это большинство трудится въ потѣ лица; но продукты его труда ему самому достаются лишь въ ничтожной мѣрѣ, такъ какъ львиная ихъ доля идетъ капиталистамъ и собственникамъ. Исходя изъ этихъ положеній, соціализмъ и стремится устроить жизнь общества такъ, чтобы въ немъ частные интересы отдѣльныхъ лицъ подчинены были общей пользѣ всѣхъ, а потому чтобы не было собственности частной, но чтобы всѣ орудія производства, посредствомъ которыхъ создается народное богатство, а именно: земля, капиталъ, фабрики, машины и т. д. принадлежали не тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ личностямъ, но всѣмъ членамъ общества вмѣстѣ и находились въ завѣдываніи общественной власти, которая и распредѣляла-бы пріобрѣтаемые продукты между всѣми, соотвѣтственно ихъ потребностямъ. Чтобы вмѣсто существующей системы труда наемнаго, при которой человѣку трудящемуся достаются лишь гроши, а большая часть пріобрѣтеннаго трудомъ поступаетъ на пользу капиталиста—собственника, установлена была система рабочихъ ассоціацій, при чемъ каждому трудящемуся долженъ принадлежать всецѣло весь продуктъ его труда. Само собою разумѣется, что при такомъ общественномъ строѣ не должно быть мѣста никакимъ привиллегіямъ, ни вѣроисповѣднымъ, ни имущественнымъ, ни сословнымъ.

Не трудно понять, что соціализмъ является ученіемъ, рѣшительно враждебнымъ существующему общественному строю, одну изъ коренныхъ основъ котораго представляетъ неприкосновенность права частной собственности. Конечно, если онъ не выходитъ за предѣлы теоріи, то можетъ оставаться безвреднымъ, какъ многія подобнаго рода утопін: но всякая его попытка къ практическому осуществленію угро-

жаетъ серьезнымъ потрясеніемъ и коренною ломкой современныхъ условій жизни, ибо какое ни придумывай имя для предполагаемаго общественнаго переворота, называй-ли его „экспроприаціей“ или „націонализаціей земли“, во всякомъ случаѣ это не иное что, какъ принудительное отнятіе собственности у тѣхъ, кто теперъ ею владѣтъ, чтобы сдѣлать ее общимъ достояніемъ всей народной массы.

Между тѣмъ социализмъ отнюдь не желаетъ оставаться только теоріей; онъ усиленно стремится перейти въ жизнь и ведетъ съ этою цѣлю энергичную пропаганду повсюду, изобрѣтая всякія возможныя средства. Издаются для распространенія въ народѣ цѣлыя серіи мелкихъ социалистическихъ брошюръ, въ родѣ англійскихъ „Tracts“ фабіанскаго общества, или „Special Reports“, выпускаемыхъ „лигою возвращенія земли“. Ежедневно выходитъ множество социалистическихъ газетъ и листовъ, въ родѣ берлинской „Volkstribune“, при чемъ въ нѣкоторыя, знаменательныя для социалистовъ, дни эти газеты появляются съ широкими красными каймами, или совсѣмъ на ярко-красныхъ листахъ бумаги. По заявленію Бебеля на социалистическомъ конгрессѣ въ Галле, въ 1890 г., въ одной Германіи, не смотря на сильныя тогда преслѣдованія правительства, насчитывалось 104 социалистическихъ газеты съ 600,000 подписчиковъ. За одно съ печатью усиленно работаетъ и проповѣдь устная. Социалисты устрояютъ сходки (у нѣмцевъ *verein'y*) въ какомъ либо маленькомъ театрѣ, или трактирѣ, гдѣ, предъ попивающей пиво публикой, сперва выступаетъ на эстрадѣ ораторъ и предлагаетъ свой докладъ съ язвительными нападками на существующій порядокъ и нерѣдко съ самою рѣзкою критикой общепринятыхъ религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ. Единомысленная ему публика шумно выражаетъ свое сочувствіе, иногда затѣваетъ дебаты, а затѣмъ услаждается пѣніемъ социалистическихъ пѣсенъ, сборники которыхъ заботливо печатаются и распространяются къ ея услугамъ. Эти сходки принимаютъ иногда грандіозный и угрожающій характеръ, какъ напр. ежегодныя социалистическія митинги 1-го мая въ Лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, и не разъ бывало, что эти сборища оканчивались кровавою схваткой съ полиціей и стоили многихъ жертвъ, какъ это было напр. при знаменитой лондонской битвѣ въ

Трафальгаръ-скверъ въ 1887 г., когда возбужденная и собранная соціалистами толпа доходила до ста тысячъ чело-вѣкъ. Чтобы настраивать и поднимать такія толпы, нужна, конечно, продолжительная предварительная пропаганда, которая дѣйствительно и ведется съ замѣчательною настойчивостью и самоотверженіемъ. Вотъ напр. въ Лондонѣ, у Гаммермитскаго моста, каждое воскресное утро появляется особаго устройства телѣга—платформа. Надъ нею развертывается красное знамя и затѣмъ на этой импровизированной каедрѣ выступаютъ одинъ за другимъ ораторы-соціалисты, тотчасъ-же собирая, конечно, подлѣ своей телѣги большую толпу слушателей. На проѣзжихъ дорогахъ въ разныхъ графствахъ Англіи нерѣдко можно встрѣтить красную повозку или фуру, неторопливо передвигающуюся отъ селенія къ селенію. Въ этой фурѣ обыкновенно пребываютъ два-три чело-вѣка мужинъ или женщинъ, конечно, при самыхъ незатѣйливыхъ условіяхъ бивуачнаго существованія. Это—проповѣдники соціализма, которые по недѣлямъ и мѣсяцамъ странствуютъ въ своей фурѣ и, останавливаясь тамъ, гдѣ имъ кажется лучшимъ, ораторствуютъ предъ собравшейся толпой. Ихъ миссія правильно организована и утомившихся дѣятелей смѣняютъ по очереди другіе. Вообще многія соціалистическія группы обладаютъ надлежащимъ благоустройствомъ, имѣютъ свои финансовыя средства, свои бюро на лучшихъ улицахъ городовъ и собственныя залы для собраній. Конечно, сходки устроятся, фуры останавливаются и проповѣди соціалистическихъ ораторовъ раздаются главнымъ образомъ тамъ, гдѣ больше изнуренныхъ трудомъ, голодающихъ, или страдающихъ отъ безработицы, а потому понятно, какое вліяніе оказываетъ эта проповѣдь. Съ каждымъ годомъ соціализмъ пріобрѣтаетъ въ западной Европѣ все большую и большую силу. Чтобы составить понятіе о его ростѣ, достаточно припомнить хотя-бы только тѣ завоеванія, какія въ послѣднее время сдѣлалъ соціализмъ въ средѣ избирателей германскаго рейхстага. Въ 1871 г. соціалистовъ—избирателей въ Германіи считалось лишь до 100,000, въ 1877 ихъ стало уже 490,000, въ 1887 г.—760 тысячъ, въ 1890—уже 1,400,000, въ 1893—1,780,000, а въ 1898—2,100,000. Неудивительно, если эта, столь быстро-ростущая, сила нерѣдко даетъ себя чувствовать угрожающими потрясеніями: то гран-

дѣозными стачками рабочихъ, которыя такъ недавно напр. волновали Францію и Бельгію, то тѣми народными бунтами, во время которыхъ вожаки движенія, какъ въ Вѣнѣ напр. прямо взывали къ бушующей толпѣ: „станемъ бороться противъ настоящаго порядка вещей и испровергнемъ его“! И эта грозная сила ведетъ свое дѣло открыто, устраояя международные социалистическіе конгрессы, то въ Парижѣ, то въ Цюрихѣ, то въ Лондонѣ, выставляя на нихъ свои программы и учредивъ въ 1900 г. въ Брюсселѣ даже постоянный международный социалистическій комитетъ.

Правительства европейскихъ государствъ, наблюдая постоянный ростъ этой враждебной и угрожающей имъ общественной силы, естественно должны были призадуматься и поискать какихъ либо средствъ для защиты существующаго порядка. То пытались они предотвратить надвигающуюся грозу, идя по возможности на встрѣчу народнымъ желаніямъ и стараясь путемъ законодательныхъ мѣръ улучшить и обезпечить положеніе трудящихся и нуждающихся классовъ общества. Такъ создалось напр. фабричное законодательство, которымъ въ особенности ознаменовала себя Англія и которое имѣетъ своимъ предметомъ установить размѣры рабочаго дня и заработной платы, санитарныя условія работы, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и т. д. То обращали правительства свое главное вниманіе на дѣятельность социалистическихъ агитаторовъ и путемъ репрессивныхъ мѣръ старались подавить ихъ вліяніе на массу, какъ это было напр.: въ 80-хъ годахъ въ Германіи, при господствѣ исключительныхъ законовъ Бисмарка, направленныхъ противъ социалистовъ. Но уступки фабричнаго законодательства социалистовъ не удовлетворяли, а мѣры репрессіи подавить ихъ оказались не въ состояніи. По заявленію Бебеля, не смотря на восемьдесятъ ссылокъ и полторы тысячи тюремныхъ заключеній, которыя постигли германскихъ социалистовъ въ силу исключительныхъ законовъ Бисмарка, число социалистовъ-набирателей неизмѣнно возрастало и къ 1890 году достигло почти полутора милліона. Самъ императоръ Вильгельмъ 2-й призналъ непригодность насильственныхъ мѣръ, когда въ 1890 г. отмѣнилъ исключительные законы противъ социалистовъ и созвалъ въ Берлинѣ международную конференцію для того, чтобы представители европейскихъ госу-

дарствъ совмѣстно обсудили необходимыя законодательныя мѣры по рабочему вопросу.—Ни уступки, ни мѣры насилія со стороны государственной власти не въ состояніи были остановить угрожающій ростъ социализма и это потому, что въ его основѣ было много правды; а отъ ничтожныхъ уступокъ положеніе милліоновъ страждущихъ, труждающихся и обремененныхъ, существенно улучшиться не могло и мѣры насилія тѣмъ менѣе, конечно, могли ихъ успокоить. Чтобы помочь бѣдѣ, нужно было подорвать социализмъ въ самой его основѣ, противопоставить правдѣ социализма другую правду, болѣе глубокую, и призвать на борьбу съ нимъ не физическую силу, но нравственную и болѣе могущественную. Такую силу многіе благомыслящіе люди думали найти въ религіи и къ первосвященнику Рима, какъ главѣ западной церкви, обращались въ этомъ смыслѣ съ своимъ призывомъ. Еще С. Симонъ писалъ папѣ: „ваши предки уже достаточно раскрыли и распространили христіанское ученіе; вамъ нужно заняться его примѣненіемъ къ жизни. Истинное христіанство должно сдѣлать людей счастливыми не только на небѣ, но и на землѣ. Ваша задача состоитъ въ томъ, чтобы благоустроить человѣческій родъ по основному принципу божественной нравственности“... „Вы должны направлять всѣ средства церкви къ тому, чтобы какъ можно скорѣе улучшить и нравственное и физическое положеніе самаго многочисленнаго класса общества“... Подобныя призывы не разъ слышались и позднѣе изъ устъ напр.: Перейра, Д'Эйхталя, Ламеннэ и др. Многіе пытались даже путемъ своихъ личныхъ усилій хотя-бы до нѣкоторой степени осуществить эту идею, т. е. по возможности содѣйствовать разрѣшенію социальнаго вопроса на началахъ христіанскаго ученія. Въ такомъ смыслѣ дѣйствовали напр.: во Франціи—графъ Де Мэнъ, въ Германіи—арх. Кеттелеръ, въ Англіи—кард. Маннингъ и т. д. Но это были лишь отдѣльныя попытки, не устранявшія, конечно, вопроса о томъ, какъ вся западная церковь, въ лицѣ своего главы — папы, отнесется къ призыву принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи столь тревожнаго для Европы социальнаго вопроса.

Въ ту эпоху, когда социализмъ впервые сталъ принимать въ западной Европѣ угрожающіе размѣры и положеніе, на римскомъ престолѣ воссѣдалъ Пій IX и ни личныя своѣ-

ства этого папы, ни историческія обстоятельства его правленія, не давали основаній надѣяться на то, чтобы онъ могъ отнестись къ социальному вопросу съ надлежащимъ вниманіемъ. Довольно ограниченный по уму, изъ гвардейскихъ офицеровъ случайно попавшій на путь церковнаго служенія и не получившій серьезнаго образованія, это былъ чловѣкъ искренно благочестивый, добраго сердца и хорошихъ нравовъ; но не обладавшій ни глубокими научными познаніями, ни тонкимъ пониманіемъ современной жизни, ни административными способностями, ни дипломатической проицательностію. По отзыву министра Маміани, выдающагося государственнаго дѣятеля того времени, это былъ „хорошій сельскій священникъ“... и только. Приходящихъ въ ватиканъ поклонниковъ онъ очаровывалъ своей необыкновенной простотой и любезностію, награждая и самыхъ смиренныхъ богомольцевъ ласковымъ словомъ и веселой шуткой и съ готовностію благословляя протягиваемыя ему четки и образки. Ораторскими, одушевленными рѣчами онъ приводилъ въ восторгъ своихъ слушателей; но когда не слова только нужны были, а дѣло, добродушный старецъ не стоялъ на высотѣ своего положенія. Онъ только самъ убѣжденъ былъ въ своей великой силѣ и самостоятельности, а въ сущности имъ овладѣвали умные льстецы и вели его туда, куда имъ хотѣлось. Такой папа не былъ въ состояніи должнымъ образомъ понять и оцѣнить волновавшій Европу социальный вопросъ.— И тѣмъ менѣе могъ онъ понять его, что ему выпало на долю считаться съ непосредственно его касавшимся политическимъ движеніемъ, которое всецѣло овладѣло его вниманіемъ и привело къ печальному для него полному крушенію его свѣтской власти. То была эпоха итальянскаго объединенія, когда на мѣстѣ прежнихъ отдѣльныхъ королевствъ, княжествъ и герцогствъ, создавалось единое національное королевство Италии. Не сумѣвъ стать во главѣ этого національнаго объединительнаго движенія, Пій IX, бессильный помѣшать ему, вынужденъ былъ видѣть, какъ революція постепенно захватывала его собственныя владѣнія, какъ провинція за провинціей отпадала отъ его церковной области, какъ итальянскія войска подступили къ его столицѣ, какъ загремѣла бомбардировка и Римъ былъ взятъ, какъ самъ онъ изъ папы—государя превратился въ ватиканскаго узника, а въ квири-

нальскомъ, прежде папскомъ, дворцѣ, вопреки всѣмъ протестамъ и проклятіямъ папы, водворился Викторъ-Эммануиль, король новосозданной Италіи, и упрямо твердилъ: „мы здѣсь и мы здѣсь останемся“!

Подъ вліяніемъ такихъ событій, Пій IX сталъ яркимъ защитникомъ стараго порядка и непримиримымъ врагомъ революціи и всякихъ народныхъ движеній, не различая въ нихъ политическаго отъ соціальнаго. Народная толпа стала для него синонимомъ мятежа, насилія и разрушенія, а потому онъ оставался глухъ на всѣ призывы къ участію въ улучшеніи ея положенія. „Всему міру извѣстно“, провозглашалъ онъ въ своей энцикликѣ, „что враги Бога и человѣческаго общества, злоупотребляя словами „свобода“ и „равенство“, поставляютъ себѣ главною цѣлю распространять въ народѣ пагубныя измышленія коммунизма и социализма. Обольщая обѣщаніями болѣе счастливой жизни, они возбуждаютъ рабочихъ и низшаго класса людей возставать противъ верховной власти, грабить и разрушать, нарушать всѣ божественныя и человѣческія права и ниспровергать всякій порядокъ въ гражданскихъ обществахъ. А между тѣмъ, полное равенство между людьми—это химера, а подчиненіе облеченнымъ властію и уваженіе къ чужой собственности есть непремѣнный долгъ. Если люди послушаются превратныхъ социалистическихъ ученій, то въ результатъ получится лишь ниспроверженіе существующаго порядка, всеобщая борьба и разрушеніе. — Въ своемъ знаменитомъ силлабусѣ Пій IX еще разъ подвергаетъ социализмъ, какъ зловредную язву, безусловному осужденію. — Итакъ, папа только клеймитъ социализмъ, какъ язву; но ему какъ будто нѣтъ дѣла и онъ совсѣмъ не хочетъ знать, чѣмъ вызвана эта язва. По его словамъ, виной всему лишь злонамѣренные агитаторы, которые смущаютъ народъ; а самъ онъ не считаетъ нужнымъ поглубже вникнуть въ истинный смыслъ и причины угрожающихъ европейскому обществу волненій; не желаетъ подумать о томъ, что совсѣмъ не одна злонамѣренность руководитъ агитаторами, но нерѣдко и искреннее сочувствіе и желаніе помочь народной нуждѣ и горю. Папа не хочетъ слышать обращаемыхъ къ церкви призывовъ и какъ будто нѣтъ ему никакого дѣла до насущныхъ запросовъ современной общественной жизни. Въ послѣднемъ параграфѣ

силлабуса онъ съ рѣшительностію осуждаетъ, какъ заблужденіе, ту мысль, что будто-бы римскій первосвященникъ можетъ и долженъ примириться и согласоваться съ прогрессомъ, либерализмомъ и новѣйшей цивилизаціей. На жгучіе запросы жизни онъ отвѣчаетъ только анаемой.—Однако, такой взглядъ хотя и провозглашеннаго непогрѣшимымъ былъ несомнѣнной ошибкой, исправить которую взялся его преемникъ.

Это былъ тотъ самый Левъ XIII, котораго лишь восемь мѣсяцевъ тому назадъ оплакивала римско-католическая церковь; а печать всего міра единодушно провозглашала однимъ изъ величайшихъ дѣятелей XIX-го вѣка, имя котораго можетъ быть съ полнымъ правомъ поставлено рядомъ съ Гладстономъ и Бисмаркомъ. Съ блестящими природными способностями, онъ съ раннихъ лѣтъ былъ питомцемъ того знаменитаго, хотя и съ печальною репутаціей общества, которое издавна славилось замѣчательнымъ умѣньемъ и привлекать къ себѣ и воспитывать въ своей средѣ высокіе таланты и характеры. Онъ прошелъ многолѣтнюю іезуитскую школу и выступилъ изъ нея на поприще общественной дѣятельности увѣнчанный учеными степенями и во всеоружіи широкаго, всесторонняго образованія. Мудростью практической, ловкостью администратора и тонкостью дипломата, чего, конечно, не могла дать ему школа, онъ въ полной мѣрѣ запасся тогда, когда сталъ правителемъ провинціи церковной области, затѣмъ папскимъ нунціемъ въ Бельгіи, епархіальнымъ епископомъ и кардиналомъ. Пройдя эти долгіе годы разносторонней практической дѣятельности, онъ явился человѣкомъ и обширныхъ научныхъ познаній и глубокаго пониманія совершающихся кругомъ событій, отъ крупнаго до самыхъ послѣднихъ мелочей.

Прогуливаясь однажды по садамъ ватикана, Левъ XIII увидалъ одно вьющееся растеніе въ очень заброшенномъ видѣ. „Что-это вы даете гибнуть этому растенію?“ обратился онъ къ садовнику. „Очень плохое здѣсь мѣсто для него, святой отецъ“, отвѣчалъ садовникъ. „Вы не знаете, что говорите и воображаете, что я повѣрю вашимъ рассказамъ“, возразилъ папа, и тотчасъ-же преподалъ садовнику урокъ о томъ, что нужно сдѣлать съ растеніемъ. „Вотъ человѣкъ, говорилъ послѣ садовникъ, вотъ человѣкъ, который можетъ поучить всякаго, начиная съ кардиналовъ и кончая садовникомъ“

Обмануть его нѣтъ никакой возможности!“ Такимъ и былъ онъ, когда застало его избраніе конклава. Поднявшись теперь на высоту папскаго трона, онъ зоркимъ, просвѣщеннымъ взглядомъ окинулъ разстилавшіяся у подножія католическій міръ и не могъ, конечно, не замѣтить волновавшихъ этотъ міръ социальныхъ движеній. Онъ зналъ ихъ, онъ задумывался надъ ними уже давно, когда былъ еще епископомъ Перуджии и въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ уже останавливался на социальномъ вопросѣ, какъ на одномъ изъ такихъ, которые въ современной жизни требуютъ къ себѣ наибольшаго вниманія. Теперь, на папскомъ престолѣ, онъ съ сочувственнымъ интересомъ сталъ слѣдить за всѣмъ выдающимся, что предпринималось въ области социальнаго вопроса; а, съ другой стороны, и въ Европѣ люди трудившіеся надъ его разрѣшеніемъ скоро стали видѣть въ папѣ человѣка, болѣе или менѣе имъ единомышленнаго. Когда напр. швейцарецъ Декюртэнъ выступилъ предъ федеральнымъ совѣтомъ съ своимъ проэктомъ относительно международнаго законодательства о рабочихъ, кард. Якобини, по порученію Льва XIII, письменно выразилъ автору проекта полное сочувствіе и благословеніе папы. А когда императоръ Вильгельмъ созвалъ въ Берлинѣ международную конференцію по рабочему вопросу, онъ самъ обратился съ посланіемъ къ папѣ, выражая увѣренность въ немъ, какъ въ человѣкѣ, который, по его словамъ „всегда готовъ оказать свое вліяніе въ пользу бѣдныхъ и заброшенныхъ человѣческаго общества“. Въ силу этой, распространившейся въ Европѣ, увѣренности ватиканъ при Левѣ XIII сталъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, которыя доселѣ были въ немъ невиданными. Въ октябрѣ 1888 г. напр. до двухъ тысячъ французскихъ рабочихъ, подъ предводительствомъ Армеля и Де-Мэна, прибыли въ Римъ, чтобы просить у папы благословенія своихъ требованій и своихъ надеждъ. Въ слѣдующемъ году такая-же толпа французскихъ рабочихъ прибыла въ Римъ въ количествѣ уже до 5,000 чел. И Левъ XIII въ залахъ ватикана устраивалъ этимъ рабочимъ торжественные приемы, благосклонно выслушивалъ ихъ адреса и отвѣчалъ на нихъ сочувственными рѣчами. При томъ папскомъ престолѣ, который доселѣ былъ такъ глухъ къ народнымъ желаніямъ, они встрѣчаютъ теперь самый радушный приемъ.

Вѣнцомъ и наиболѣе полнымъ выраженіемъ этого новаго папскаго настроенія явилась въ 91 году знаменитая энциклика Льва XIII-го „*Regum novarum*,” прямо и озаглавленная: „о положеніи рабочихъ.“—

Въ этой энцикликѣ папа вполне признаетъ неудовлетворительность существующаго общественнаго строя и необходимость принять какія-либо быстрыя и дѣйствительныя мѣры, чтобы оказать помощь людямъ низшихъ классовъ общества, такъ какъ ихъ положеніе, благодаря жадной эксплуатаціи богатыхъ и сильныхъ, въ высшей степени печально и доведено почти до рабства. Но гдѣ-же средство, чтобы улучшить это ихъ положеніе? Соціализмъ указываетъ это средство въ уничтоженіи частной собственности и требуетъ превращенія этой собственности въ общую для всѣхъ, въ коллективную, чтобы государство распоряжалось ею на пользу всѣхъ. Такую теорію папа рѣшительно отвергаетъ и подробно опровергаетъ ее на научныхъ, соціологическихъ и политико-экономическихъ основаніяхъ. Онъ доказываетъ, что частная собственность утверждается на непреложномъ, самую природой установленномъ, правѣ; а потому посягать на нее значитъ грубо нарушать справедливость и отнимать у самого трудящагося плоды его трудовъ. Мало того,—это, указываемое соціализмомъ, средство, по мысли папы, совсѣмъ и не достигаетъ цѣли. Оно не только не улучшитъ положенія дѣла, но, напротивъ, приведетъ лишь къ печальнымъ послѣдствіямъ. Свобода личности будетъ подавлена невыносимою тараніей государства; индивидуальнымъ талантамъ не будетъ никакихъ побужденій прилагать свои старанія къ труду, а потому, вмѣсто столь желаемого равенства, наступитъ лишь равенство всеобщей нищеты и бѣдствія. Итакъ, соціализмъ-средство негодное и долженъ быть отвергнутъ.—

Истинное рѣшеніе соціальнаго вопроса можетъ быть дано только въ религіи и церкви. Прежде всего, она призываетъ человѣка съ терпѣніемъ переносить тотъ жребій, который выпалъ ему на долю. Сдѣлать всѣхъ людей равными невозможно, ибо по самой природѣ своей они различаются умомъ, способностями, здоровьемъ, силой. Соотвѣтственно этому, какъ въ организмѣ члены различаются по достоинству и положенію, такъ неизбѣжно это различіе и въ положеніяхъ общественныхъ. Но ошибочно думать, что общественные

классы, богатые и бѣдные, непремѣнно находятся между собою въ непримиримой враждѣ. Они, какъ члены въ организмѣ, предназначены дѣйствовать въ единствѣ и гармоніи, ибо нѣтъ капитала безъ труда и нѣтъ труда безъ капитала. Только христіанская церковь обладаетъ средствами, чтобы утвердить эту гармонію и водворить миръ между богатыми и бѣдными. Она учитъ ихъ взаимнымъ ихъ обязанностямъ. Рабочему она внушаетъ честно исполнять свой трудъ; не причинять вреда ни имуществу, ни личности хозяина; не предъявлять чрезмѣрныхъ требованій; не слушать вздорныхъ и мятежныхъ внушеній. Богачу-же и хозяину она внушаетъ, не смотрѣть на рабочаго, какъ на раба или только какъ на рабочую силу; но уважать въ немъ достоинство человѣка и христіанина, заботиться не только о его тѣлѣ, но и о душѣ, не притѣснять его, не давать ему непосильной работы, оплачивать трудъ его надлежащимъ образомъ. Церковь не только водворяетъ миръ между богатыми и бѣдными, но и соединяетъ ихъ тѣсными узами дружбы и любви. Взоры тѣхъ и другихъ она обращаетъ отъ земли къ небу. Она внушаетъ имъ, что истинная цѣнность настоящей земной жизни опредѣляется лишь по сравненію съ жизнію будущей и вѣчной. Богъ создалъ насъ не для бременнаго и преходящаго, а для небеснаго и вѣчнаго. Здѣсь на землѣ дано намъ не вѣчное пребываніе, а какъ-бы временная ссылка. Здѣшнія богатства не имѣютъ цѣны для жизни вѣчной и за нихъ придется отдать суровый отчетъ предъ Судією Богомъ. Эти богатства даются человѣку для надлежащаго употребленія. Богачи суть лишь раздатели земныхъ благъ и христіанская любовь предписываетъ имъ употреблять свой избытокъ на пользу ближняго. Съ другой стороны, и въ бѣдности нѣтъ ничего унижительнаго. Самъ Господь явился въ міръ и жилъ въ немъ сыномъ рабочаго. Истинное достоинство человѣка не въ его внѣшнемъ положеніи, а въ его нравахъ, въ его добродѣтели. Сердце Божіе въ особенности склоняется къ бѣднымъ и несчастнымъ; труждающихся и обремененныхъ зоветъ къ Себѣ Господь, обѣщая имъ успокоеніе. Всѣ классы общества примиряются и объединяются въ братской христіанской любви, ибо всѣ люди—дѣти одного Отца—Бога, всѣ одинаково искуплены и возрождены единою кровію Христа-Спасителя.—Христіанская церковь не ограничивается однако

лишь указаніемъ истиннаго пути къ разрѣшенію соціальнаго вопроса въ правильномъ взглядѣ на жизнь и во взаимной любви, но и практически ведетъ людей по этому пути. Какъ въ древности языческой міръ былъ обновленъ христіанствомъ и его учрежденіями, такъ и теперь исцѣленіе общественныхъ золъ возможно лишь вліаніемъ церкви. Пусть не думаютъ, что она всецѣло поглощена лишь заботою о душахъ и презираетъ все земное. Что касается въ частности рабочихъ, то она употребляетъ всѣ усилія къ улучшенію ихъ положенія, воспитываетъ въ нихъ добрыя христіанскіе нравы, которые устраняютъ чрезмѣрную жажду богатства и наслажденій и приучаютъ къ умѣренности; создаетъ разныя общественныя учрежденія, предназначаются для улучшенія положенія рабочихъ, и развиваетъ христіанскую, лишь на братской любви основанную благотворительность.—

Государству она внушаетъ, что забота объ общемъ благѣ составляетъ его главную обязанность, а потому оно должно столько же заботиться о бѣдныхъ рабочихъ, сколько и о другихъ классахъ общества, такъ какъ они такіе же граждане государства, какъ и всѣ другіе. Мы не имѣемъ возможности подробно излагать здѣсь все то, что внушаетъ папа государству и очень сожалѣемъ объ этомъ, такъ какъ раскрытіе и аргументація его положеній подъ перомъ такого выдающагося мыслителя и стилиста, какъ Левъ XIII, представляетъ высокій интересъ.—

Но самымъ лучшимъ средствомъ для улучшенія положенія нуждающихся, для примиренія враждующихъ и вообще для мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса, папа признаетъ свободные союзы, ассоціаціи рабочихъ, или рабочихъ и хозяевъ вмѣстѣ. Въ основѣ такихъ союзовъ должна лежать, прежде всего, забота о душѣ, о развитіи религіозно-нравственномъ. Матеріальныхъ благъ, по словамъ Господа. „ищутъ и язычники“... Вы-же „ищите прежде царствія Божія и правды Его, и это все приложится вамъ“ (Мат. VI. 32—33). На этой религіозно-нравственной основѣ установится въ рабочей ассоціаціи правильный взглядъ на взаимныя отношенія между людьми, утвердится миръ, трудъ получитъ справедливое распредѣленіе, права и обязанности хозяевъ найдутъ должное согласованіе съ интересами трудящихся, какъ это и было нѣкогда у первенствующихъ хри-

стіанъ.—Пусть-же, взываетъ папа,—пусть-же каждый, по своимъ силамъ и званію, приметъ участіе въ осуществленіи великаго дѣла. Правители пусть покровительствуютъ ему законами и учрежденіями; богатые пусть вспомнятъ о своихъ обязанностяхъ; рабочіе пусть добиваются цѣлей своихъ законными путями; а такъ какъ лишь одна религія въ состояніи уничтожить зло въ самомъ его корнѣ, то всѣ пусть помнятъ, что, прежде всего, нужно утверженіе христіанскихъ нравовъ, а потому пастыри церкви пусть идутъ въ народъ и употребляютъ всѣ свои силы, чтобы утвердить въ душѣ его правила христіанской жизни и водворить ту христіанскую любовь, въ которой одной спасеніе,—ту любовь, которая, по Апостолу „долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, все покрываетъ, все переноситъ“ (1 Кор. XIII, 4—7).

Таковъ былъ голосъ Льва XIII по соціальному вопросу. Со всею рѣшительностію сталъ онъ на сторону труждающихся и обремененныхъ; но не трудно видѣть, какая все-таки глубокая разность существуетъ между взглядами папы и проповѣдью соціализма. Соціализмъ смотритъ только внизъ и всѣхъ приглашаетъ глядѣть лишь на землю; а папа, руководясь христіанскимъ идеаломъ, поднимаетъ очи вверхъ и всѣмъ указываетъ на небо. Соціализмъ думаетъ только о настоящей жизни. Онъ поставяетъ себѣ единственной цѣлю, здѣсь, на землѣ, устроить для людей счастье, полагая всю сущность этого счастья въ возможно болѣе широкомъ и для всѣхъ пользованіи благами міра. Этого онъ и думаетъ достигнуть путемъ искусственнаго и даже, быть можетъ, насильственнаго имущественнаго переворота. Папа-же указываетъ цѣль и назначеніе человѣка въ жизни будущей, а на жизнь земную учить смотрѣть, какъ на состояніе временное, несовершенное, въ которомъ истинное счастье невозможно и полное равенство людей, по самой ихъ природѣ, недостижимо. Соответственно этому и соціальный вопросъ, по его мысли, разрѣшается не искусственнымъ переворотомъ, не переустройствомъ формъ общественной жизни, а религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ самихъ людей, чтобы онѣ прониклись сознаніемъ своего братства и, христіанскую любовь поставивъ принципомъ своихъ взаимныхъ отношеній, всегда готовы были протянуть другъ другу руку помощи.

Что-же? Имѣлъ-ли папскій голосъ какое-нибудь практическое значеніе? Успокоилъ-ли онъ общественную тревогу и помогъ-ли хотя сколько-нибудь разрѣшенію грознаго для Европы вопроса?—Теперь еще не время подсчитывать его результаты; но несомнѣнно, что вліяніе энциклики стало замѣтно обнаруживаться тотчасъ-же послѣ ея распространенія. Въ продолженіи двухъ лѣтъ приходили въ Римъ многочисленные адреса, подписанные рабочими разныхъ странъ, гдѣ выражалось ими искреннее сочувствіе идеямъ папы и полная готовность имъ слѣдовать. Въ Бельгій, во Франціи, въ Германіи, въ Соединенныхъ штатахъ и въ другихъ странахъ устроились рабочія ассоціаціи, основанныя, въ противодѣйствіе социалистическимъ, на христіанскихъ началахъ, полагавшіе христіанскую любовь своимъ принципомъ и дѣйствовавшія съ молитвой, подлѣ храмовъ и въ союзъ съ церковію. Весною 1893 г., въ Бьеннѣ, въ Швейцаріи, на конгрессѣ представителей рабочихъ союзовъ этой страны было постановлено „организовать международную пропаганду для осуществленія тѣхъ принциповъ, которые провозгласилъ Левъ XIII въ своей энцикликѣ по рабочему вопросу“. Несомнѣнно такимъ образомъ, что возбужденное папою движеніе начинало развиваться и народная масса изъявляла свою готовность вступитъ въ союзъ съ церковью и ея главой.

Говорятъ, что въ этомъ союзѣ только и заключалась истинная цѣль папы; это была лишь „демократическая эволюція“ папства. Ватиканскій узникъ, лишенный своей свѣтской власти, не смотря на всѣ свои протесты не видѣвшій ни откуда помощи противъ поглотившей его Италіи и извѣрившійся такимъ образомъ въ своихъ прежнихъ коронованныхъ покровителяхъ, усмотрѣлъ новую, народившуюся въ Европѣ, общественную силу въ лицѣ такъ называемаго „четвертаго“ рабочаго сословія и задумалъ въ немъ найти себѣ опору для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Энциклика по рабочему вопросу и была, говорятъ, въ этомъ смыслѣ лишь ловкимъ дипломатическимъ ходомъ со стороны такого дипломата, какимъ былъ Левъ XIII. Можетъ быть; и мы не станемъ отрицать этого; но это не отнимаетъ у энциклики ея значенія по существу. Высказанныя въ ней идеи, какая-бы ни скрывалась за ними ближайшая практическая цѣль, сами по себѣ имѣютъ свою цѣну, какъ выра-

женіе христіанскаго взгляда на соціальную проблему, а потому какъ-бы ни былъ величественъ выступающій предъ нами образъ папы-дипломата, онъ во всякомъ случаѣ не въ силахъ заслонить собою и затмить гораздо болѣе величественный образъ папы-христіанина.

На нашей свѣжей памяти Льва XIII-го проводили въ могилу и его преемникомъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ, выступилъ нынѣшній папа-Пій X-й. Еще слишкомъ кратковременное пребываніе его на папскомъ престолѣ, конечно, не даетъ намъ права произносить о немъ какой-либо твердый и рѣшительный приговоръ; но единодушными отзывами европейской прессы этотъ сынъ крестьянина, долго бывший лишь приходскимъ священникомъ, характеризуется какъ очень простой и добрый человѣкъ, безукоризненной нравственности, глубоко вѣрующій и благочестивый, никогда не занимавшійся политикою, а потому очень мало въ ней смыслящій и совсѣмъ не дипломатъ. Такимъ онъ и высказался въ первыхъ-же публичныхъ заявленіяхъ. По словамъ его первой энциклики, цѣль своего первосвященническаго служенія папа представляетъ себѣ чисто-религіозною, чуждою всякихъ политическихъ расчетовъ. „Наша единственная цѣль“, говоритъ онъ, „состоитъ въ томъ, чтобы все соединить подъ главою Христомъ“ (Еф. I, 10), да будетъ „все и во всемъ Христомъ“ (Колос. III, 11). „Мы хотимъ быть только служителемъ Бога и Ему посвятить всѣ наши силы и нашу жизнь“. Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ кардиналовъ онъ заявилъ: „никакой политики въ ватиканѣ не будетъ“.

И вотъ этотъ новый папа, совсѣмъ не дипломатъ, въ минувшемъ декабрѣ издалъ документъ, въ которомъ повторилъ всѣ главныя мысли Льва XIII по соціальному вопросу и предложилъ ихъ для руководства всѣмъ католическимъ ассоціациямъ и кружкамъ. Очевидно, не „демократическую эволюцію“, не ловкій дипломатическій ходъ усмотрѣлъ этотъ благочестивый папа въ идеяхъ своего предшественника, а выраженіе христіанскаго взгляда на вопросъ, вполне соответствующее его собственному религіозному настроенію.

Вмѣстѣ съ Пиемъ X-мъ и мы отъ души пожелаемъ идеямъ Льва XIII-го возможно болѣе широкаго распространенія, ибо вполне съ нимъ согласны, что одно только есть дѣйствительное средство къ устраненію общественныхъ золъ. къ

водворенію между людьми добрыхъ отношеній и къ разрѣшенію столь тревожнаго для Европы соціального вопроса. Это средство—христіанская, братская любовь. И мы вѣримъ, что наступить часъ ея торжества.

„Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:

Пусть неправда и зло полновластно царятъ

Надъ омытой слезами землей,

Пусть разбить и поруганъ святой идеаль

И струится невинная кровь:—

Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Вааль,

И вернется на землю любовь!“

„Вѣрь въ великую силу любви!..

Свято вѣрь въ ея крестъ побѣждающій,

Въ ея свѣтъ, лучезарно спасающій

Міръ, погрязшій въ грязи и крови...

Вѣрь въ великую силу любви!..“

В. Соколовъ.
